

**Реплика о «курочке черненькой»
(По поводу статьи С.И. Николаева «О филологическом
методе (насушные заметки)»)**

В.А. Кошелев

Вячеслав Анатольевич Кошелев, д.ф.н., проф., Арзамасский филиал Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского; e-mail: anatoly.koshelev@novsu.ru

Меня вдохновили рассуждения С.И. Николаева. Особенно представленный «метод микроистории», ориентированный на «пристальность взгляда» применительно к изучаемому литературному явлению. Ничего особенно нового здесь как будто нет: развивается идея М.О. Гершензона о том, что литературные тексты надо читать медленно: так, как читают дети, когда только учатся грамоте:

«В старину мальчика учили читать сперва *по складам*, что заставляло его осмысленно воспринимать отдельные буквы и их соединения в слоги, и лишь этим способом доводили до умения читать *по верхам*, т.е. бегло. [...] В наше время ребенка сразу обучают беглому или интуитивному чтению; едва ознакомив с начертанием букв, его учат с одного взгляда угадывать целое слово, и затем тотчас следующее и следующее, и так быстро скользить по мгновенно узнаваемым словам до конца предложения, не вглядываясь ни в одно из них, можно сказать — даже вовсе не видя их».

При таком восприятии теряется нечто очень важное: «Современный читатель *не видит слов*, потому что не смотрит на них; мудрая и прекрасная плоть слова ему не нужна, — он на бегу, мельком улавливает тени слов и безотчетно сливает их в некий воздушный смысл, столь же бесплотный, как слагающие его тени. [...] Ища прежде всего быстроты, мы разучились ходить; теперь только немногие еще умеют читать пешком, — почти все читают велосипедно, по 30 и 40 верст, т.е. хотел сказать — страниц в час. Спрашивается, что они видели в этих быстро промелькнувших страницах, могли ли что-нибудь заметить и разглядеть?»

Со времен Гершензона такое «велосипедное» чтение еще более «ускорилось» — и это помешало именно адекватному восприятию художественного текста. «Всякую содержательную книгу, — продолжает Гершензон, — надо читать медленно, особенно медленно надо читать поэтов, и всего медленнее надо из русских писателей читать Пушкина, потому что его короткие строки наиболее со-

держательны из всего, что написано по-русски. Эту содержательность их может разглядеть только досужий пешеход, который движется медленно и внимательно смотрит кругом»¹. Отсюда и «пристальность».

Но искомая «пристальность взгляда» в этом случае сродни его «детскости». Это положение наилучшим образом подтверждается тем ярким эпизодом о замечательной «курочке» протопопа Аввакума, который разбирает С.И. Николаев. Вот передо мной свежий номер научно-популярного исторического журнала «Родина» — там напечатана статья А. Юркова «Быль о Курочке Рябе», в которой автор ратует за то, чтобы современным «компьютерным» детям были возвращены мудрые народные сказки. Он полностью приводит гениальную «Курочку Рябу», сказку «размером в один абзац», и утверждает: «Этот абзац по глубине мысли равен иным пузатым трактатам»: «гут тебе и уровень жизни народа, и знаменитое русское терпение, и надежда на будущее — без прикрас». А потом — дает большую цитату из «Жития протопопа Аввакума», как раз с тем самым эпизодом о курочке, которая «по два яичка в день приносила робяти на пищу Божьим повелением». И глубокомысленно восклицает: «Наверное, из рода она той самой Курочки Рябы»².

Можно, конечно, вдохновиться этим восклицанием и сочинить соответствующее генеалогическое древо — но, сдаётся мне, что, мобилизовав ту же «пристальность взгляда», стоило бы уточнить обозначенное «родословие».

С.И. Николаев так комментирует «чудесную» природу аввакумовской курочки: «“Чудо”, как кажется, объясняется необыкновенной, говоря техническим языком, яйценокостью курочки» (с. 376). Но ведь в «Житии...» выделяется, по крайней мере, еще три важных «приметы» необыкновенной курицы:

— «Курочка у насъ *черненька* была...»;

— «На нарте везучи, в то время *удавили по грехомъ*...»;

— А после цитированного абзаца есть еще большое рассуждение: Аввакум сообщает, что курочка эта «не просто нам и досталася», а пришла «от тово племени» кур, которые заболели «и мереть стали», а потом «Божиимъ мановениемъ *исцелили и исправилися*». И курочка эта черненькая стала в глазах автора символом земной жизни: «Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу Его, Пречистого Владыки, еще же и человека ради»³.

Эти три приметы в представлении опального протопопа, кровно связанного с народным бытом, не менее значимы, чем «яйце-

¹ Гершензон М.О. Мудрость Пушкина. Томск, 1997. С. 181–182.

² Родина: Исторический научно-популярный журнал. 2016. № 12. С. 86–87.

³ Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. вторая. М., 1989. С. 369.

носкость». Курица совсем не случайно являлась в этом быту существом, имеющим отношение к будущему. Она, например, была предметом святочных гаданий: «...кормили / Счетным курицу зерном...» (В.А. Жуковский) — то есть ей доверяли предсказывать будущее. Ср.: «Девы снимают с насести кур и приносят в светлицу, где заранее припасены вода, хлеб и кольца золотое, серебряное и медное; чья курица станет пить воду, у той девицы муж будет пьяница, а чья примется за хлеб — у той муж бедняк; если курица подойдет к золотому кольцу — это сулит богатое замужество, если к серебряному — жених будет ни богат, ни беден, а если к медному — жених будет нищий; станет курица летать по комнате и кудахтать — знак, что свекровь будет ворчливая, злая»⁴.

Черная курица в кругу этих представлений — вообще существо особенное, трудно совместимое с «яйценоскостью». «Культурные» куры — как правило, белого цвета, в крестьянском быту чаще являются «курочки-рябы», а черный цвет в народных поверьях напрямую связан с потусторонними силами. Это цвет ночи, тьмы, тайны, нечистых духов. В черную курицу часто оборачивается ведьма⁵ — и вообще этот цвет для курицы оказывается цветом *оборотня*. В классику русской литературы для детей вошла сказка Антония Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» (1829), главным героем которой стала курица Чернушка.

Эта самая Чернушка, как мы помним, только прикидывается курицей («нрава тихого, редко прохаживалась с другими»), а на самом деле оказывается благородным министром сказочного рыцарского королевства. Основной приметой этой курицы оказывается то, что (сетует хозяйка) «с тех пор, как она у нас в доме, она не снесла ни одного яичка»⁶. Протопоп Аввакум в данном случае констатировал противоположный факт и особенное «Божье повеление»: курочка «по два яичка в день приносила» — *несмотря на* свой демонологический и «неяйценокский» цвет! Не чудо ли?

И указание на трагический конец чудесной курочки, которое кажется совсем «необязательным» эпизодом в повествовании, тоже крайне значимо. Курочку эту «удавили по грехом» — но кто? о чьих «грехах» идет речь? Конечно же, это не были члены протопоповой семьи — тех она «кормила» («сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала»). Это какие-то провожатые («томные» люди) или «иноземцы немирные», *не заметившие* чуда.

⁴ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1995. Т. 1. С. 236.

⁵ См.: Русский демонологический словарь / Сост. Т.А. Новичкова. СПб., 1995. С. 72.

⁶ Погорельский А. Сочинения. Письма / Изд. подгот. М.А. Турьян. СПб.: Наука, 2010. С. 138 («Литературные памятники»).

И насколько же хрупко это чудо, которое едва различимо в грехах обыденности!

Огромное значение получает и рассказ о «происхождении» черненькой курочки «от тово племени», которому повезло исцелиться и исправиться после молитв протопопа. Именно это исцеление и подвигло Божью тварь на свершение чуда: сама спасенная, она претворяет свершенное благое деяние на ближних («робяти на пищу»), реализуя давний завет: «Еще Козма и Дамиань человекомъ и скотомъ благодествовали и целили о Христе». Апелляция к святым Козьме и Дамиану показательна: один из любимых народных праздников приходится на Кузьминки («курятники» и «кашники»), знаменующие переход от осени к зиме: «Считаясь защитниками кур по преимуществу, св. Козьма и Демьян в то же время известны и как покровители семейного очага и супружеского счастья»⁷. А эпизод с «курочкой» открывает в «Житии протопопа Аввакума» серию драматических картин, посвященных своей семье и семьям, жившим рядом...

Если продолжить рассуждения С.И. Николаева, то окажется, что заявленный им «метод микроистории» не становится панацеей: для всестороннего анализа даже простенького текста его явно недостаточно — поневоле приходится «попутно» привлекать нечто другое, рядом находящееся. Историки литературы пока не создали чего-то, подобного «таблице Менделеева» — каждый раз приходится оперировать «внесистемным» материалом.

Поэтому привлекательным кажется другой тезис ученого: «главное в работе историка литературы — проблема, а уже она определяет методы ее решения» (с. 372). Ю.М. Лотман с одинаковым успехом работал с разными «методиками»: и по семиотике, и по структуре художественного текста, и по текстологии, и по культурологии. Если, например, исследовательская проблема требовала углубления в проблемы истории русской культуры, то ученый спокойно оставлял «за скобками» собственные «структуралистские» посылки — в знаменитом комментарии к «Евгению Онегину», например.

Эти комментарии к гениальному пушкинскому произведению наводят на «крамольную» мысль. Еще один знаменитый комментарий к «Онегину» — В.В. Набокова — производит двойственное впечатление. С одной стороны, это явно «непрофессиональное» произведение: в одну кучу свалено множество самого разного материала, нужного и второстепенного, по каким-то причинам привлекшего внимание автора, — вот уж где не отыскать ни «методологии», ни даже заявленной методики исследования текста! С другой стороны, автор — в той же «куче» — раскидал множе-

⁷ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 430.

ство оригинальных и точных наблюдений сравнительно-исторического, культурно-исторического, даже биографического характера — «неправильно» откомментировал то, чего не нашли авторы «правильных» комментариев. В любом случае, Набоков в этом случае доказал еще один тезис С.И. Николаева: «методология — удел бесталанных» (с. 371).

Этот тезис автор связывает с фигурой великого филолога А.М. Панченко: «Что было главное в методе Александра Михайловича?» — «Талант». Но давайте же договорим до конца: ведь таких, как Панченко, во всех национальных культурах — единицы. И если соотнести понятие «талант филолога» (историка литературы) с понятием «талант поэта» (который, собственно, как раз и заключается в умении не следовать раз навсегда заявленному «методу»), то сама наша наука поневоле оказывается маргинальной. Тут получается, как в наблюдении Маяковского из стихотворения «Юбилейное» (1924): «Хорошо у нас в Стране Советов. / Можно жить, работать можно дружно. / Только вот поэтов, к сожаленью, нету...» И далее — глубочайшее замечание «кстати», которое Маяковский предпочел не развивать в последующем творчестве:

Впрочем, может, это и не нужно.

Ведь если «договорить», то с историками литературы именно так и получается...